

А. Г. Калугин

Сущность и социально-правовая обусловленность норм права, предусматривающих возможность разрешения уголовного дела на началах компромисса с лицом, совершившим преступление

В статье рассматриваются: сущность компромисса с лицом, совершившим преступление, в рамках, установленных нормами уголовного и уголовно-процессуального закона; отличительные признаки соответствующих норм и институтов права; анализируются зарубежные и российские правовые институты, в основу которых положена идея компромисса с обвиняемым.

Ключевые слова: компромисс, примирение сторон, деятельное раскаяние, сделка о признании вины, освобождение от уголовной ответственности.

Раскрытие основных аспектов социальной обусловленности законотворчества — важное направление научных исследований. Такой подход позволяет и глубже понять содержание правоприменительной деятельности, и увидеть социальный смысл, скрывающийся за логической операцией подведения частных случаев под действие общей нормы.

Составная часть социальной обусловленности уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм — это их криминологическая обусловленность (см.: [14. С. 5]). По мнению А. Г. Антонова, следует различать социально-криминологическую обусловленность конкретного правового института в целом (совокупность факторов, делающих принципиально необходимым и возможным его существование) и социально-криминологическую обусловленность в узком смысле (как максимальное соответствие выраженных в законе конкретных признаков существующим в реальности формам поведения). Второе одновременно свидетельствует о степени совершенства правовой нормы (см.: [3. С. 60]).

Как показывает опыт отечественной и зарубежной уголовной юстиции, достаточно давно в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве существуют нормы, предусматривающие возможность разрешения уголовно-правового конфликта путем достижения между сторонами взаимовыгодного соглашения на основе взаимных же уступок: в обмен на добровольное возмещение причиненного вреда или активное содействие правосудию законодательством и судом предоставляются гарантии освобождения виновного от уголовной ответственности и (или) наказания либо его существенного смягчения.

В странах Западной Европы, США, Канаде и ряде других государств с исторически устоявшимися демократическими традициями так называемая примиряющая стратегия реагирования на преступления получила достаточно широкое распространение, хотя с точки зрения юридической техники и механизма правового регулирования подобные институты в различных государствах отличаются весьма большим разнообразием. Так, в Кодекс уголовного расследования Бельгии в 1984 г. была введена (впоследствии подвергалась изменениям и дополнениям) ст. 216-бис, в соответствии с которой во избежание судебного разбирательства по всем делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, обвиняемый, не отрицающий своей вины и уплативший в казну устанавливаемую в каждом конкретном случае сумму (если преступлением причинен вред только интересам государства), а также полностью возместивший ущерб по-

терпевшему (если вред причинен интересам частного лица), освобождается от уголовной ответственности с прекращением дела в досудебной стадии уголовного процесса. Причем примерно одна треть всех уголовных дел, поступающих из полиции в прокуратуру, разрешается именно таким способом. Подобная процедура, получившая название «транзакция», с 1983 г. существует и так же широко применяется в Нидерландах.

Аналогичный «штраф по соглашению» предусмотрен и ст. 41-2 УПК Франции по делам о нескольких десятках составов уголовных проступков, не относящихся к тяжким деяниям (отдельные насильственные действия, проступки против интересов семьи, определенные категории имущественных проступков и др.), совершенных совершеннолетними лицами. В случае признания подозреваемым своей вины прокурор республики вправе до возбуждения уголовного преследования предложить ему добровольно выполнить одно или несколько из перечисленных ниже условий: 1) уплатить в казну штраф в размере, не превышающем 25 000 франков, и половину размера штрафа, установленного за проступок в качестве наказания (единовременно или в рассрочку до года); 2) передать государству предметы, ставшие орудием преступления или полученные в результате преступления; 3) передать секретарю трибунала большой инстанции водительские права или охотничье удостоверение на срок до 4 месяцев; 4) бесплатно выполнить работы в общественных интересах продолжительностью до шестидесяти часов в срок до 6 месяцев. В качестве дополнительного условия предусмотрено обязательное возмещение потерпевшему причиненного проступком ущерба. В случае, если лицо, подлежащее уголовному преследованию, согласно с предложением прокурора, материалы дела передаются в суд для утверждения соглашения между этим лицом и прокурором. Если судья отказывает в утверждении соглашения, то предложение прокурора теряет силу (решение судьи обжалованию не подлежит). В случае утверждения соглашения надлежащее исполнение подозреваемым обозначенных условий погашает право государства на публичный иск и в возбуждении уголовного преследования отказывается. При отсутствии же надлежащего исполнения условий в полном объеме прокурор может принять решение о возбуждении уголовного преследования, причем фактически выполненное учитывается судом при назначении наказания (см.: [6. С. 320]).

В 1974 г. в УПК ФРГ введена ст. 153а, предоставившая прокурору право отказаться от обвинения, если обвиняемый в установленный срок выполнит возложенные на него обязанности (загладит причиненный им вред, внесет определенную сумму в государственную казну и т. п.) (см.: [13. С. 85]).

Различные формы прекращения либо отказа от уголовного преследования вследствие примирения потерпевшего с обвиняемым при условии обязательного возмещения вреда, причиненного преступлением, существуют и в странах, где действует англо-саксонская система права (там эти процедуры известны под наименованием «медиация») (см.: [4. С. 77—79]).

Ее суть в английском варианте заключается в том, что полиция или служба государственных обвинителей, закон о которых был принят в Великобритании в 1985 г., до принятия решения о начале уголовного преследования передает дело в службу медиации, обычно состоящую из членов службы пробацции, представителей соответствующих общественных организаций, а иногда и самих полицейских. В ходе примирительной процедуры медиатор (посред-

ник) поочередно встречается с потерпевшим и лицом, подлежащим уголовному преследованию, пытаясь найти путь к компромиссу — заключению соглашения о заглаживании вреда. Формы заглаживания могут быть самые разнообразные. В случае успеха медиации и заключения соответствующего соглашения государственные органы обвинения отказываются от уголовного преследования, ограничиваясь официальным предупреждением (см.: [6. С. 111]).

Похожая процедура, хотя вначале и не на законодательном уровне, возникла и во Франции, где институт «штатных» общественных посредников — медиаторов создается при органах местного самоуправления. Прокурор, сочтя в каждом конкретном случае целесообразным вместо традиционного уголовного преследования прибегнуть к примирительной процедуре, отбирает двоих общественных медиаторов, которые стараются убедить конфликтующие стороны заключить некое мировое соглашение, предусматривающее, прежде всего, заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Если им это удастся, сами же общественные арбитры и контролируют исполнение условий соглашения. В случае, если стороны так и не смогли прийти к соглашению или если его условия не соблюдаются, прокурор принимает решение о его дальнейшей судьбе в соответствии с требованиями УПК: возбуждает уголовное преследование или отказывает в нем при наличии соответствующих оснований (см.: [5. С. 21—28, 34]).

Нельзя не упомянуть и такой вариант разрешения уголовного дела на началах компромисса, как широко известные «сделки о признании вины» [7. С. 17—19; 11. С. 35—36]. В США, Италии и ряде других стран широко распространен установленный уголовно-процессуальным законодательством институт сделки между обвинителем и стороной защиты о признании вины обвиняемым, гарантирующий упрощенную, ускоренную процедуру судебного разбирательства (единолично судьей на стадии предварительного слушания дела) и вынесение более мягкого приговора, если обвиняемый сделает заявление о полном признании своей вины и об отсутствии претензий к собранным доказательствам (см.: [9. С. 97; 12. С. 95]). Так, УПК Италии предусматривает в случае сделки о признании вины обязательное снижение наказания, но не более чем на одну треть (см.: [10. С. 21—31]). По делам об организованной преступности и терроризме лицу, проявившему в ходе следствия и судебного разбирательства деятельное раскаяние (тому, кто признается в совершенном преступлении и назовет сообщников), срок наказания может быть снижен еще больше — в пять раз (см.: [8. С. 283]).

Стремление современной России следовать европейским стандартам в области правового регулирования общественных отношений и, прежде всего, механизмов правовой защиты неотъемлемых прав личности (права на тайну частной жизни, на личную неприкосновенность, права собственности и т. д.) закономерно привело к формированию соответствующих тенденций в развитии отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В частности, речь идет о появлении в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве России норм, допускающих компромисс между государством в лице его компетентных органов, и лицом, совершившим преступление. Предусмотренная законом возможность сделки с обвиняемым в виде освобождения его от уголовной ответственности или фиксированного снижения размера наказания в обмен на признание вины в совершенном преступлении, содействие расследованию и устранение причиненного вреда

дает реальную возможность государству без применения излишней уголовной репрессии разрешить криминальный конфликт между сторонами обвинения и защиты путем заключения разумного соглашения, что особенно важно для восстановления нарушенных имущественных прав потерпевших. Последние, как правило, не заинтересованы именно в наказании виновного; значительно больше их волнует реальное возмещение материального ущерба (см.: [1. С. 111, 114]). Такой подход позволяет не только поощрять активность граждан в их сотрудничестве с правоохранительными органами, но и соблюсти принцип социальной справедливости в конкретных уголовных делах.

С этой точки зрения существование в законодательстве и активное применение в практике уголовного судопроизводства норм, допускающих компромисс с лицом, совершившим преступление, безусловно, представляется оправданным.

Сущностью компромисса, очевидно, следует считать готовность сторон конфликта (в уголовно-правовом конфликте это сторона обвинения и сторона защиты) ради достижения своих главных, стратегических интересов взаимно снять или смягчить часть ранее выдвинутых требований или взаимно уступить часть своих второстепенных интересов. Причем, по мнению Х. Аликперова, с которым стоит согласиться, применение компромисса всегда является вынужденным шагом, когда использование иных средств разрешения уголовно-правового конфликта равнозначно поражению либо грозит углублением или разрастанием конфликта (см.: [2. С. 92]).

Анализ отечественного и зарубежного законодательства позволяет разделить нормы, допускающие возможность компромисса, на следующие основные группы:

1. Уголовно-правовые нормы:

- а) нормы, предусматривающие снижение размера наказания либо применение его более мягкого вида (в УК РФ такие нормы содержат пункты «и» и «к» ст. 61, 62, а также ст. 64 и 65, предусматривающие назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом, а также с учетом вердикта присяжных заседателей о снисхождении, в случаях, когда основанием для такого решения суда является активное позитивное постпреступное поведение виновного лица);
- б) нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности (в УК РФ к таковым можно отнести институты деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, ряд примечаний к статьям Особенной части, содержащих так называемые специальные основания освобождения от уголовной ответственности).

К этой же группе можно отнести, хотя и с некоторой оговоркой, нормы, предусмотренные ст. 90 и 92 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия. Оговорка заключается в том, что закон прямо не указывает, какими критериями должен руководствоваться суд, делая вывод о том, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого возможно без применения наказания. Вместе с тем подразумевается, что такие выводы могут быть сделаны лишь на основе оценки свойств личности обвиняемого, его посткриминального поведения и отношения к предъявленному обвинению.

Вряд ли можно считать обоснованной позицию Х. Д. Аликперова, включающего в число уголовно-правовых норм, допускающих компромисс, нормы о добровольном отказе от совершения преступления, об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а также об освобождении от уголовной ответственности и наказания ввиду амнистии, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора (см.: [1. С. 94]).

Представляется, что говорить об уголовно-правовом компромиссе в полном смысле слова можно лишь при наличии следующих условий:

- совершения оконченного преступления или оконченного покушения на преступление;
- способности лица, его совершившего, нести уголовную ответственность, т. е. наличия у него всех признаков субъекта преступления;
- доказанности вины данного лица в совершении преступления;
- наличия заслуги в виде активного позитивного постпреступного поведения (признание вины, заглаживание причиненного вреда, способствование раскрытию преступления и т. д.).

При применении к виновному лицу таких институтов уголовного права, как амнистия или истечение сроков давности, не требуется выполнения последнего условия, поэтому в этих случаях речь можно вести не о компромиссе, а скорее о нецелесообразности привлечения лица к уголовной ответственности или дальнейшего отбывания наказания, не о взаимных уступках сторон, а об одностороннем проявлении гуманизма путем «прощения».

Добровольный отказ и обстоятельства, исключающие преступность деяния, также вряд ли правильно относить к разновидности компромисса, поскольку речь идет либо об отсутствии самого вреда, либо о правомерности его причинения, что предполагает, в свою очередь, отсутствие признаков преступления, в первую очередь, общественной опасности, а зачастую и виновности.

Спорным представляется вопрос об отнесении к числу норм, допускающих компромисс, нормы об освобождении осужденного от наказания в связи с изменением обстановки. Утрата лицом или его деянием общественной опасности далеко не всегда связана с позитивным постпреступным поведением лица, а чаще с внешними факторами: изменением социально-экономической ситуации, изменениями в законодательных и иных нормативно-правовых актах иной (не уголовно-правовой) отраслевой принадлежности, объективно возникшими переменами в условиях жизни и деятельности виновного лица и т. п. Если же утрата лицом общественной опасности связана с активным позитивным постпреступным поведением, должны применяться нормы о деятельном раскаянии.

Уголовно-правовой (по сути) характер носит ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», содержащая положение о том, что лицо из числа членов преступной группы, которое совершило противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и, будучи привлеченным к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовало раскрытию преступлений, возместило нанесенный ущерб или иным способом загладило причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако приведенная норма, принятая

раньше, чем Уголовный кодекс Российской Федерации, не согласуется с ним. Во-первых, ее буквальное толкование позволяет сделать вывод об императивном характере данной нормы («освобождается от уголовной ответственности»), в то время как формулировка ст. 75 УК РФ предполагает использование дискреционного механизма («может быть освобождено»). Во-вторых, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, распространяются лишь на лиц, впервые совершивших преступления только небольшой тяжести или преступления иной категории в случаях, специально предусмотренных Особой частью УК РФ. Статья 18 закона об ОРД такого ограничения не содержит. Указанные противоречия с учетом того обстоятельства, что рассматриваемая норма не является нормой прямого действия, а отсылает правоприменителя к действующему федеральному законодательству, существенно затрудняют реализацию содержащихся в ней положений. В результате анализируемая норма практически остается лишь декларацией, не обеспечивая реальной правовой защиты лиц, привлеченных к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

2. Уголовно-процессуальные нормы:

1. Группа норм, исключающих возможность производства по делам частного и частно-публичного обвинения в случае примирения сторон уголовно-правового конфликта. Так п. 2 ст. 20 УПК РФ предусматривает обязательное прекращение производства по уголовным делам частного обвинения (о преступлениях, предусмотренных частями первыми ст. 115, 116 и 129, а также ст. 130 УК РФ) в случае примирения обвиняемого с потерпевшим в любой стадии процесса, но до удаления суда в совещательную комнату. Пункт 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ исключает возможность производства по делам частно-публичного обвинения (о преступлениях, предусмотренных статьями, перечисленными в ч. 4 ст. 20 УПК РФ) при отсутствии заявления потерпевшего. Часть 5 ст. 319 УПК обязывает мирового судью при поступлении к нему заявления о преступлении, отнесенном ч. 2 ст. 20 УПК РФ к делам частного обвинения, вначале принять меры к примирению сторон и только после их отказа возбуждать уголовное преследование.
2. Группа норм, регламентирующих прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием (ст. 25 и 28 УПК РФ), а также, с указанной выше оговоркой, прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427, 431 УПК РФ).
3. Группа норм, предусматривающих возможность применения сокращенных (упрощенных) процедур судопроизводства в сочетании с гарантированным смягчением назначаемого судом наказания при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (отечественный вариант «сделки о признании вины», впервые появившийся в российском уголовно-процессуальном кодексе 2001 г. — гл. 40 УПК РФ).

Представляется, что реализация идеи компромисса в сфере уголовного судопроизводства должна основываться исключительно на началах добровольности и взаимной выгоды, предполагать в качестве конечной цели обеспечение наиболее полной защиты прав и законных интересов потерпевших от преступных посягательств, а также интересов общества и государства в области предупреждения и раскрытия преступлений. При этом достижение компромисса с лицом, совершившим преступление, возможно только на основе его позитивного постпреступного поведения, направленного на заглаживание причиненного вреда и сотрудничество с органами уголовной юстиции. Достижение целей уголовного судопроизводства через компромисс требует участия в таком соглашении следующих субъектов:

- лица, совершившего преступление, которое обладает правом, во-первых, своими активными и инициативными действиями заглавить причиненный вред, во-вторых, проявить инициативу в представлении доказательств совершенного преступления, признании вины и применении упрощенных процедур судопроизводства в обмен на гарантированное освобождение от уголовной ответственности или смягчение вида и размера наказания;
- потерпевшего (если преступление причинило вред конкретному физическому или юридическому лицу), который обладает правом влиять на итоговое решение по уголовному делу в зависимости от предпринятых виновным лицом усилий по заглаживанию причиненного вреда;
- государства в лице его правоприменительных органов, которое вправе освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности или смягчить ему наказание в обмен на позитивное постпреступное поведение, если против этого не возражает потерпевший.

При этом каждый из участников рассматриваемого трехстороннего взаимовыгодного соглашения имеет конкретные интересы и преследует вполне определенные цели:

- виновное лицо заинтересовано в освобождении от уголовной ответственности или в максимально возможном снижении наказания. На достижение этой цели направлены все его позитивные действия, связанные с заглаживанием причиненного преступлением вреда и способствованием раскрытию преступления, именно от него исходит инициатива таких действий;
- потерпевшего интересует не столько мера уголовной ответственности виновного лица, сколько восстановление собственных нарушенных прав, в первую очередь имущественных;
- государство (в лице уполномоченного органа, применяющего уголовный и уголовно-процессуальный закон) заинтересовано в решении одновременно нескольких проблем:
 - а) восстановления нарушенных прав потерпевших;
 - б) экономии уголовной репрессии за счет реституционных мер;
 - в) экономии ресурсов (финансовых, людских и т. д.), затрачиваемых на осуществление уголовного судопроизводства и исполнение наказаний;
 - г) предупреждения профессиональной и организованной преступности за счет сокращения числа лиц, попадающих на длительное время в мес-

та лишения свободы и оказывающихся под влиянием криминальной среды и ее субкультуры, активной ресоциализации уже на стадии предварительного расследования «неосторожных» и «ситуативных» преступников, а также второстепенных участников организованной преступной деятельности;

- д) склонения отдельных категорий лиц к прекращению преступной деятельности, самообнаружению (в форме явки с повинной);
- е) уменьшения моральных и материальных издержек правопослушной части населения, невольно вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства с его громоздкой и малопривлекательной для любого нормального человека процедурой.

Вместе с тем, несмотря на наше глубокое убеждение в том, что потерпевший (гражданский истец) должен являться полноправной стороной в уголовно-процессуальном компромиссе, включать его согласие на применение к виновному вышеуказанных процедур в число обязательных условий во все нормы, регламентирующие разрешение уголовного дела на началах компромисса, едва ли будет оправданным, по меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, далеко не для всех преступлений, при совершении которых законом предусмотрена возможность компромисса с виновным лицом, характерно наличие потерпевшего или гражданского истца (незаконный оборот оружия, наркотических средств, взяточничество, налоговые преступления и т. д.).

Во-вторых, с позиций присущих уголовному праву принципов гуманизма и справедливости представляется неверным отказывать в снисхождении виновному лицу, использовавшему все доступные ему в конкретной ситуации средства для того, чтобы заглаживать причиненный вред и оказать содействие в раскрытии преступления, только из-за позиции потерпевшего, который (и с этим нередко сталкиваются на практике следователи, дознаватели, судьи) может повести себя просто неадекватно, проявить алчность и т. д.

Анализ развития как отечественного, так и зарубежного уголовного и уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить особенно ярко проявившуюся в последние три десятилетия тенденцию к расширению возможностей разрешения уголовно-правового конфликта путем достижения взаимовыгодного соглашения (компромисса) между сторонами обвинения и защиты, основанного на взаимных же уступках. С другой стороны, изучение правоприменительной практики, многочисленные диссертационные исследования, посвященные отдельным правовым институтам и нормам, касающимся освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования, свидетельствуют о наличии целого комплекса нерешенных проблем теоретико-методологического и нормативно-прикладного характера, связанных с реализацией идеи компромисса в сфере уголовного судопроизводства. К числу этих проблем можно, в частности, отнести:

- проблемы, связанные с внедрением в отечественное уголовно-процессуальное законодательство правовых институтов, заимствованных из принципиально иных правовых систем зарубежных государств, без учета реально влияющих на российское уголовное судопроизводство социально-экономических, психологических и организационных факторов;
- проблемы, связанные с несогласованием между отдельными нормами и институтами уголовного и уголовно-процессуального права, допускаю-

щими компромисс с лицом, совершившим преступление, в том числе с отсутствием адекватного процессуального механизма реализации некоторых уголовно-правовых норм (например, специальных оснований освобождения от уголовной ответственности), что в значительной мере обусловлено волюнтаризмом и отсутствием комплексного и теоретически обоснованного подхода в законотворческой деятельности;

- проблемы, вызванные отсутствием эффективного механизма процессуального контроля законности и обоснованности решений, основанных на компромиссе, принимаемых органами, осуществляющими предварительное расследование, на фоне массового проявления дискреционизма в правоприменительной практике.

Представляется, что методологической основой решения обозначенных проблем может стать подход к системе норм, допускающих компромисс с подозреваемым (обвиняемым), как к комплексному межотраслевому институту права.

Как известно, правовой институт выделяется по предметно-функциональному признаку; предметом регулирования входящих в него норм являются однородные, взаимосвязанные общественные отношения. Рассмотрим систему норм, допускающих компромисс с лицом, совершившим преступление, через призму признаков комплексного (межотраслевого) института права.

1. Однородность фактического содержания норм, предназначенных для регулирования относительно обособленной группы общественных отношений, выражена, на наш взгляд, достаточно явно и вытекает из самой сущности компромисса в сфере уголовного судопроизводства, который предлагается рассматривать как основанное на позитивном посткриминальном поведении лица, совершившего преступление, взаимовыгодное соглашение между виновным лицом, потерпевшим и государством в лице уполномоченного органа, применяющего уголовный и уголовно-процессуальный закон. С нашей точки зрения, говорить об уголовно-правовом компромиссе в полном смысле слова можно лишь при наличии заслуги виновного лица в виде его активного позитивного постпреступного поведения (заглаживание причиненного вреда, согласие с предъявленным обвинением, способствование раскрытию и расследованию преступления и т. д.). Во всех остальных случаях освобождение от уголовной ответственности или наказания, его смягчение, равно как и применение упрощенной процедуры судопроизводства, не будет взаимовыгодным.

2. Юридическое единство правовых норм, образующих институт, выражается в общих положениях, специфических правовых понятиях, что создает особый, присущий именно данному виду (группе) общественных отношений правовой режим регулирования. В качестве общих признаков норм, допускающих компромисс, позволяющих объединить их в единый комплексный институт права, можно выделить следующие:

- возможность применения их только при условии доказанности вины лица, подвергнувшегося уголовному преследованию, в совершении преступления определенной категории;
- наличие в числе условий, допускающих компромисс, признаков «заслуги», выраженной в позитивном посткриминальном поведении, направленном на заглаживание причиненного преступлением вреда, на оказа-

- ние помощи органам, ведущим расследование, в раскрытии и расследовании этого и иных преступлений либо в полном согласии с предъявленным обвинением;
- единый процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности либо специфическая процедура постановления обвинительного приговора;
 - наличие в УК и УПК РФ корреспондирующих норм и институтов (субинститутов): так, нормам, предусматривающим возможность освобождения от уголовной ответственности, корреспондируют нормы, устанавливающие процедуру прекращения уголовного преследования при наличии соответствующих оснований, а нормам, устанавливающим правила смягчения наказания при условии позитивного постпреступного поведения подсудимого, — нормы УПК, обязывающие при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела устанавливать и доказывать соответствующие обстоятельства;
 - диспозитивность, выраженная, в первую очередь, в согласии обвиняемого на применение к нему специфической процедуры разрешения уголовного дела на основе компромисса;
 - относительно широкие пределы усмотрения правоприменителя.

3. Нормативная обособленность норм, образующих правовой институт, в главах, разделах, иных структурных частях закона, также является достаточно характерным признаком норм, допускающих компромисс с лицом, совершившим преступление.

Так, в УК РФ нормы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, объединены в главе 11 Общей части, в которой также имеется ссылка на специальные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части; в гл. 10 Общей части содержатся нормы, предусматривающие снижение размера наказания либо применение его более мягкого вида при наличии признаков деятельного раскаяния либо при вердикте присяжных о снисхождении. В УПК РФ нормы, предусматривающие возможность применения сокращенной процедуры судопроизводства в сочетании с гарантированным смягчением назначаемого судом наказания при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, содержатся в специально введенной для этого гл. 40, а нормы, устанавливающие процедуру прекращения уголовного преследования в связи с освобождением от уголовной ответственности, сконцентрированы в гл. 4.

4. Полнота, беспробельность правового регулирования комплекса общественных отношений, складывающихся в сфере уголовного судопроизводства на основе компромисса при разрешении уголовного дела, также является несомненным признаком рассматриваемого комплексного института, однако, как уже было сказано выше, в этой части существуют достаточно серьезные и давно назревшие проблемы, решение которых видится в поиске путей согласования норм, допускающих компромисс, между собой и с общими принципами права, а также с отраслевыми принципами уголовного и уголовно-процессуального права.

In this article the author considers the essence of the compromise with the person, who has committed a crime, within the framework of Criminal Law and criminal Procedural Law norms, distinguishing-9. Заказ № 6332.

hing marks of the corresponding law rules and institution. Foreign and Russian legal Institution based on the idea of the compromise with a defendant are analyzed here.

Keywords: compromise, mediation by the parties, active repentance, pleabargaining arrangement, relief from criminal responsibility.

Литература

1. *Аликперов, Х. Д.* Преступность и компромисс / Х. Д. Аликперов. — Баку : ЭЛМ, 1992.
2. *Аликперов, Х.* Допустим ли компромисс в борьбе с преступностью / Х. Аликперов, М. Зейналов, К. Курбанова // Уголовное право. — 2003. — № 3.
3. *Антонов, А. Г.* Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Антонов. — Томск, 2000.
4. *Головко, Л. В.* Новые основания освобождения от уголовной ответственности и проблемы их процессуального применения / Л. В. Головко // Государство и право. — 1997. — № 8.
5. *Головко, Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию / Л. В. Головко // Правоведение. — 1998. — № 3.
6. *Гуценко, К. Ф.* Уголовный процесс зарубежных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головко, Б. А. Филимонов. — М., 2001.
7. *Махов, В.* Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Российская юстиция. — 1998. — № 7.
8. *Минна, Р.* Мафия против закона / Р. Минна. — М., 1988.
9. *Николайчик, В. М.* Уголовный процесс США / В. М. Николайчик. — М., 1981.
10. Новый УПК Италии // Борьба с преступностью за рубежом. — 1993. — № 5.
11. *Тейман, С.* Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? / С. Тейман // Российская юстиция. — 1998. — № 10.
12. *Уайнреб, Л. Л.* Отказ в правосудии : Уголовный процесс в США / Л. Л. Уайнреб. — М., 1985.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. — М., 1994.
14. *Филимонов, В. Д.* Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. — Томск, 1981.